

АЛЕКСАНДР ЗАВЬЯЛОВ

написано лапой и хвостом

книга вторая

12+

Александр Завьялов

**Написано лапой и
хвостом. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Завьялов А. Н.

Написано лапой и хвостом. Книга вторая / А. Н. Завьялов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97712-9

Продолжение смешных историй из жизни Коли Никитина-Долголапого, собаки породы колли. Проверено: его уморительные рассказы помогают выжить во время болезни и в периоды лютой депрессии. На этот раз круг интересов доброй собаки вырос просто до космических масштабов!.. Книга для детей и для взрослых.

ISBN 978-5-532-97712-9

© Завьялов А. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Чудесные воспоминания	5
Эволюция	9
Полосатые коты	13
В лапах правосудия	16
Блохи-гематологи	19
Как я Ромашку нашёл	25
Конь Пржевальского	28
Волшебные единороги	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Завьялов

Написано лапой и хвостом. Книга вторая

Чудесные воспоминания

Люди только мечтают во времени путешествовать, а животные всегда это умели. Будущее, правда, для всех закрыто, но в прошлом любые звери и птицы запросто побывать могут.

Этой зимой в волчьей стае голод случился. Серая Шапочка и наши волчата две недели голодали, но мне еду запретили носить.

– В голодные времена все голодать должны, вся стая,– упорно твердила Серомашка. – Волчья жизнь несладкая – пусть привыкают. Только так волчата станут терпеливые и выносливые.

Я пытался возражать, но она даже слушать не хотела. Одно утешало, что хоть дочка Капка у людей сытно живёт, лопаёт каждый день вкусную еду с подливой.

И вот подбегаю опять – никаких изменений. Как раз охота неудачей закончилась, и все волки уставшие и обессиленные, еле лапами передвигают. На волчат и вовсе без содрогания смотреть невозможно: глазёнки голодные и животы к позвоночникам прилипли.

Тут уж я рассердился. Не сдержался и рывкнул на Серую Шапочку:

– Ты как хочешь, а волчат я накормлю. Им сейчас голодать нельзя: рахиты вырастут.

Каких-то часа три меня не было – возвращаюсь с ливерной колбасой в зубах, гляжу, а волки все такие сытые и довольные, животы тугие, как барабаны, пуговицы на шубах не застё-

гиваются. На мою ливерную колбасу даже не посмотрели. И главное, нигде остатков пиршества не видно.

Кинулся я к Серомашке с расспросами, а она на старого волка Сумрака кивнула: мол, пускай тебе дедушка объяснит.

Сумрак всегда поболтать любит, особенно с молодёжью. И в этот раз он мне подробно всё растолковал, разложил по веточкам. Оказалось, побывали они всей стаей в прошлом...

– Эта охота на лося ещё позапрошлой зимой случилась, – начал он свой рассказ. – Помнишь, небось, в январе?

– Не помню, – ответил я. – Мы с Серомашкой позже познакомились.

– Ах да, так и есть. Ну и вот, сохатый уже старый и хворый был, обладал целым букетом старческих заболеваний – диабет, атеросклероз, катаракта, болезнь Альцгеймера и прочее. Он и не сопротивлялся, – можно сказать, сам к нам пришёл. Сразу всего лося мы, естественно, переработать не смогли, вот сейчас и вернулись, чтобы доесть.

– Как это вернулись? – ошарашено спросил я. – Уже два года прошло!

– И что?.. Два года... Да мы уже раз десять, не меньше, этого лося навещаем... Едим, едим и никак доесть не можем. Главное, попасть в то время, когда лось ещё целый, не обглоданный до костей, а там уже лопаем спокохонько. Потом с полными брюхами назад возвращаемся. Кормёжка надёжная, бесконечная...

– Но ведь это невозможно! – взвизгнул я, потрясённый до кончика хвоста. – Как вы это делаете?

– А вот этого я не знаю: само как-то свершается. Сколько раз пытался в прошлое нырнуть, а по своей прихоти никогда не получалось. Тут никакая могучая волчья воля не работает. Природа нас туда самосильно отправляет, когда нужным считает. Так она животинку в лесу бережёт и нас от голода спасает.

– Она только волков кормит? – спросил я с надеждой, что и мне удастся как-нибудь в прошлое попасть.

– У всех хищников так. Медведи по несколько раз за зиму, не выходя из берлоги, запасы жирка пополняют. Однако это только старым медведям такая пенсия положена, у которых биография богатая. Нужно, чтобы воспоминания сытные были. Без этого в прошлое никак не попасть. Вот когда у нас удачная охота случалась, я старался этот день досконально во всех подробностях запомнить. Природа должна знать, в какой фрагмент времени лучше забросить, – тут Сумрак к волчатам обратился с наставлением: – Запомните, робята, удачные охоты очень важны для формирования счастливого будущего. Если не научитесь на крупную дичь охотиться, сытой и счастливой жизни не ждите.

– Ничего себе... – озадаченно скрёб я за ухом. – А люди подсчитали, что каждый волк по тонне мяса в год съедает...

– По тонне! Да они что там, обалдели, что ли?! – всхрипнула Серая Шапочка. – Летом мы лягушками и ящерками питаемся!

– Само собой, напраслину наводят! – степенно крякнул старый волк. – Сами зверей и птиц губят, а на волков сваливают: мол, волки виноваты. Нам даже молодняк губить резону нет. Какой смысл за ними охотиться? Съел за один присест, а дальше что? На всю стаю не хватит. В будущем уже доесть не получится. Бывает, конешным делом, и сеголетки под горячку попадают, когда природа запаздывает... Тут уж, как ни крути, природа во всём виновата. А волка винить нельзя, нет, никак нельзя. Если у нас брюхо не терпит, какой тут спрос?

– Это что ж получается, – вслух размышлял я, – волкам надо просто несколько раз удачно поохотиться, а дальше уже нырять и лопать за здорово живёшь?

– Ишь ты какой шустрый! – усмехнулся Сумрак. – Природу не обманешь. В прошлое только голодные попадают. Ежли ты сытый, природа тебя не слышит. Вот ты живёшь у людей на всём готовеньком – о тебе природа беспокоиться не станет.

– А если я голодать буду? Я могу и месяц потерпеть, если что. У меня тоже есть прекрасные воспоминания... Вам такие деликатесы и не снились...

– Деликатесы у него... И месяц голодать будешь?

– Буду.

– Ишь ты, месяц... Однако... природа не поможет, если будешь просто лежать и ждать, не накормит и спасать не станет. Обычно бывает так: голодаешь неделю, а то и две, а потом случается неудачная охота, и уже сил никаких нет. Вот тогда природа на помощь приходит. Забросит в прошлое, и там отъедаешься до отвала. Оттого мы после неудачи не отчаиваемся. Если сбежали олень или косуля, значит, не добыча это, дальше они должны жить. И упорствовать нечего. У природы ничего просто так не бывает. Начнёшь роптать, она и подшутить может. Кинет тебя в прошлое, где самая стужа и голод жуткий, и живности никакой нет. Да ещё в полном одиночестве, без стаи. Оно так и бывает: если сытый обед, так это все вместе, со всей стаей, а если беда – ты с ней один на один.

– Значит, для собак это невозможно? – взгрустнул я.

– Выходит так, – покачал головой старый волк. – В одиночку никак не получится. Тут коллективная энергия нужна. Говорю же, вся стая охотилась, значит, и опять всем пировать. Это что ж, один – втайне от всех натрескался, другой – втихую, и что это за волчья стая? Нет, это не про волков. Когда один волк погибает, стая на все пиршества, где он участвовал, доступ теряет. Таков закон братства. Потому волкам суждено вместе держаться. Друг без друга нам не выжить. Вот меня, например, почему в стае держат? Старый я уже, охотиться не могу. Давно бы меня загрызли, да знают, что без меня голодать будут. Через меня много лазеек в прошлое открыто. Много я сытых времён знаю.

– Ну что вы такое говорите, дедушка?! – заскулили волчата. – Мы вас очень и очень любим!

– Да ладно, верю, это я так, к слову...

– А олени тоже могут в прошлое попасть? – спросил я.

– Бывает, и они зимой летнюю травку щиплют. Только им коллективности не хватает. У каждого свои воспоминания. Один – клевером кормился, а другой – иван-чаем. Вот и не получается общности интересов.

– А можно в прошлом побывать, чтобы что-то исправить?

– Тебе зачем это?

– Да так...

– В толк не возьму: зачем что-то исправлять? Это что ж, случилась удачная охота, а ты оленя – опять чтобы бегал? Э нет, шалишь! Никто тебе не позволит прошлое портить.

Серомашка как-то напряглась, заёрзала и с притворной насмешкой спросила:

– Коля, ты что там поменять хочешь? У тебя что, в прошлом неразделённая любовь осталась?

– Причём тут любовь, – отмахнулся я. – Мне одного питбуля загрызть надо.

– Что за питбуль? Ты мне о нём никогда не рассказывал.

– Да что там рассказывать... Смалодушничал я тогда. До сих пор не могу успокоиться. Этот питбуль у голодной дворняги кусочек курятины отобрал. Сам съел, а собака потом с голода чуть не погибла. Поздно я об этом узнал. А он сбежал.

– Я бы такого сама загрызла! – зарычала Серая Шапочка. – Последнее даже росوماхи не забирают.

– Бросьте, ни к чему это, – нахмурился Сумрак. – Месть плохая штука. Ты бы его загрыз из-за мести, а природа могла подумать, что ты на него охотился. Будет потом в голодное время к питбулю этому отправлять... Всё в жизни шутейно. У природы всё с юмором.

– Неужели правда?

– Конечно! Так и бывает. На моей памяти один волк так с ума сошёл. Замучила его природа. Мы, значит, охотимся, у каждого волка своё задание, а он ни с того, ни с сего деваётся куда-то, исчезает прямо на глазах. Потом появляется и несёт всякую дичь. Вспомнить неловко. Пришлось его из стаи выгнать. Сам по себе он нехороший был, с камнем под шубой. А если какой волк на месть других подбивает, это и вовсе гадко и подло. Такому волку в лесу делать нечего.

Я вдруг вспомнил Никиту и всю нашу семью и подумал, что ни разу не видел, чтобы они куда-то исчезали или пропадали внезапно.

И тут Серомашка словно с языка у меня вопрос смахнула.

– А почему людей природа в прошлое не отправляет? – спросила она. – Тогда бы они нашу добычу не трогали.

– Людей нельзя, – ответил старый волк. – Они кроме еды ещё много чем интересуются. Ещё захотят тоже что-нибудь исправить, как некоторые... Тогда в мире путаница и неразбериха наступит.

– Дедушка, а в будущее попасть можно? – спросил волчонок Тигиртиш.

– А как в будущность попадёшь, если мы там ещё не охотились? – удивился Сумрак. – Будущее неинтересно, там ещё кормёжки никакой нет. С прошлым ты сознанием связан, а в будущем никто пока не бывал.

– А я бы побывала, – мечтательно произнесла Серомашка. – Посмотрела бы, как у нас жизнь сложится, какие волчата будут...

Прибежал я домой и ужинать не стал. Не послушал старого мудрого волка и решил голодать до потери пульса. Чтобы семья чего не подумала, отнёс кормёжку знакомой дворняге, которую давно подкармливаю.

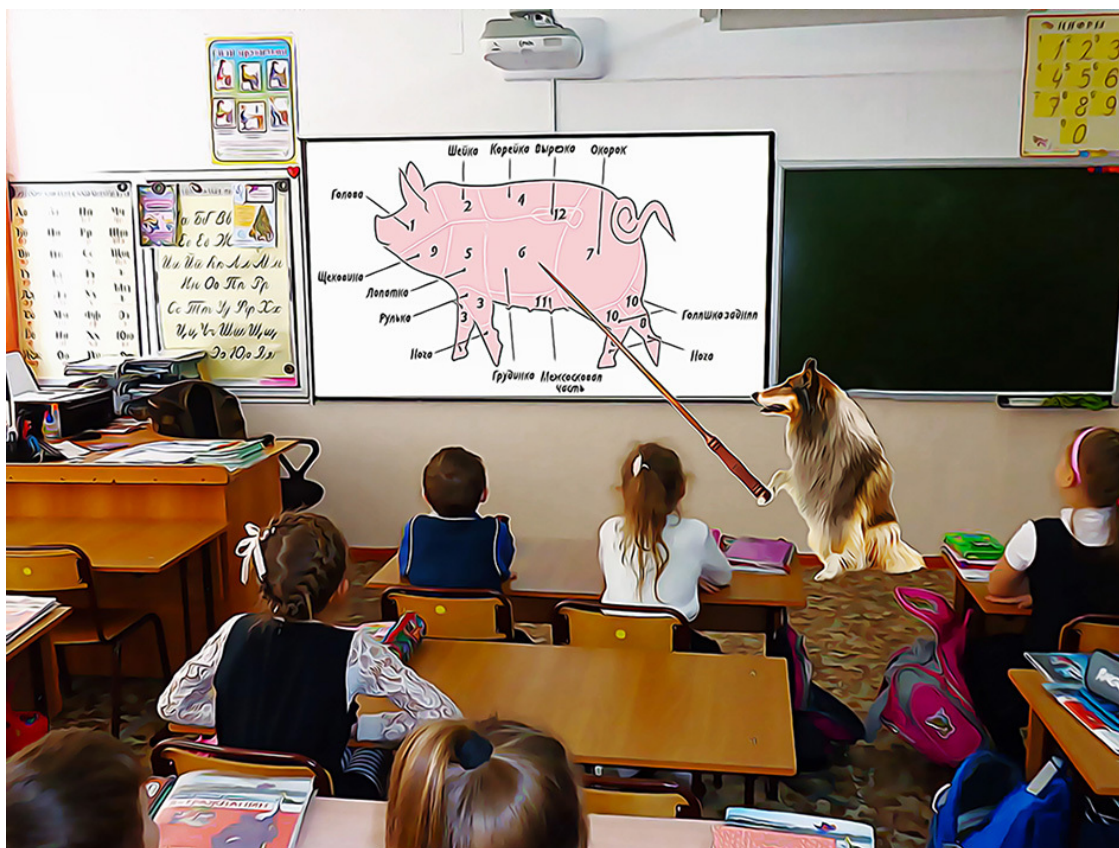
И вот голодаю я час, два – и уже нет никакой моченьки терпеть. И никакого намёка на прошлое. Даже обидно стало. Получается, волкам сплошные преференции, а собаки опять обделены. А с другой стороны, порадовался: щенята-то мои наполовину волки, а значит, голодными не останутся. Как всё-таки мудро природа устроена! А ещё я подумал, что люди зря к животным не прислушиваются. Животные много чего интересного из прошлого поведать могут. Могут даже кое-какие поручения исполнять.

Эволюция

Я раньше не понимал, почему природа так долго раскачивалась. Миллионы лет ей понадобилось, чтобы собак создать. Столько потерянного времени... Но по-другому и быть не могло. Природа хотела, чтобы животные сами выбрали, кому из них разумными становиться. В честной борьбе и на соревнованиях. На нашей планете человек из обезьяны получился, а на какой-нибудь другой планете наверняка – из волков и собак. Во Вселенной мириады разных планет, и нет никакого смысла везде только из обезьян людей лепить. Любой вид животных может разумным стать. Для природы мы все равны, она всех любит, и поэтому во Вселенной всё происходит честно, естественно и без культового выпячивания. Это ещё дедушка Дарвин подметил.

Природа всегда к мнению животных прислушивается. Хотя иной раз выходит абсурд какой-то. Вот, например, с динозаврами промашка вышла. Сильно она их прихотям потакала, а они только крупнее и сильнее хотели быть. Травоядные думали, что больших и сильных не трогают, а хищникам подавай клыки мощнее и удар сильный. И этот гигантизм эволюцию в тупик завёл.

Мне часто одни и те же похожие сны снятся. Будто я в школе, где Оля и Никита учатся, учителем работаю. Какие только предметы я во сне ни преподавал – и основы дрессировки собак, и математику, и алгебру с геометрией, и физику с химией, и, конечно же, русский язык и литературу. Никите и Оле я, само собой, только пятёрки ставлю. Даже к доске не вызываю, сразу жирненькую пятёрочку в журнал рисую. Я заметил, ученики все разные. Некоторые тихо себя ведут, а другие всё время меня за хвост дёргают. Есть там один трудный мальчик... Я его пса в школу вызывал. Мы с ним долго лаялись, а потом мне пришлось его даже потрепать маленько. Увы, на поведении мальчика это никак не отразилось.

Однажды на уроке биологии ученики меня спросили, чем собаки от людей отличаются. Вопрос застал меня врасплох, я даже растерялся.

– Ну, не знаю... – задумался я. – Отличий не так уж много... Внутренне мы абсолютно ничем не отличаемся, только внешне. У нас есть хвосты, а у людей хвостов нет. Ну и вообще строение скелета... У людей коленки вперёд, а у нас назад выпячивают. А ещё мы любить умеем сильнее. Наверное, потому что у нас души нет... Все знают: любовь собаки – самая настоящая.

– А кто сначала появились, травоядные или хищники? – спросила рыжая девочка.

Тут уж я не растерялся:

– Всё разнообразие жизни на Земле появилось благодаря разнообразию характеров. Даже из одного только вида животного может произойти всё что угодно – любые характеры, хищные и мирные. Даже близнецы-братья бывают совершенно разные, один – тихий и добрый, а другой – злой и жестокий. Чем проще и – не люблю это слово – примитивней организм, тем он больше не предсказуем. Поэтому можно сказать, что хищники и травоядные появились одновременно.

– А любые животные могут разумными стать? – спросил пухленький мальчик.

– Любые. Больше всего шансов у всеядных. Ты, я вижу, хорошо питаешься... Но, как ни парадоксально, обычно разумными во Вселенной становятся хищники, которые редко питаются... Лосю, чтобы зимой прокормить свой огромный организм, надо семнадцать часов в сутки кормиться. У них очень низкокалорийная пища. А волк раз поел от пуза – и неделями может не есть. Это время он может посвятить наукам и творчеству, размышлениям о мироздании и смысле бытия... Но самое главное – умные животные стаями живут. А точнее – семьями. Вы, люди, тоже семьями живёте. Вы благодаря любви, дружбе и взаимовыручке разумными стали. А вот зайцы, например, одиночки. У них даже зайчихи всего недели две с зайчатами нянчатся, а чаще – сразу бросают. О котках и говорить нечего. Коты никогда ни при каких условиях разумными стать не могут!

– Это потому что они одиночки? – спросил светловолосый мальчик в очках.

– Да, и по этому тоже...

– Но ведь львы семьями живут, прайдами...

Я задумался.

– Ну... разве что львы... Они из всех кошачьих самые благородные. У львов даже грива, как у людей, растёт. Если бы им никто не мешал, они бы через миллион лет на двух лапах ходить научились, а там, глядишь, и отстроили бы свою цивилизацию.

Потом мы обратились к теме урока, и я рассказал ученикам о профессоре Павлове.

– Профессор был большой друг собак, – вдохновенно преподавал я. – Он кормил их каждый день парной телятиной и самыми отборными деликатесами. Но ему всё равно казалось, что собаки голодают. На свою беду, он не понимал собачьего языка и очень переживал по этому поводу. И тогда, чтобы не пропустить момент, когда собаки проголодаются, он им всем просверлил дрелью отверстия в брюшной полости и вставил специальные трубки прямо в желудок. Как только из трубок начинал капать желудочный сок, профессор сразу бежал на кухню, открывал холодильник и, не мешкая, накладывал в миски самую отборную еду. Все ковры и паласы в доме были залиты желудочным соком, а у собак пропал аппетит, так как переваривать пищу было нечем, но зато профессор Павлов открыл важный биологический закон. Потом за это собаке памятник поставили. Ну-ка, Никита, скажи, какой закон открыл профессор Павлов?

– Закон условного и безусловного рефлекса.

– Правильно, садись, пять с плюсом. А ещё был такой профессор Преображенский. Он тоже был большой друг собак. О его дружбе с дворняжкой Шариком прекрасно рассказал Михаил Булгаков в своей повести «Собачье сердце». Профессор Преображенский тоже, увы, не понимал собачьего языка и тоже боялся оставить своего любимого Шарика голодным. Он

знал о методе кормления профессора Павлова, но решил пойти ещё дальше. В результате применения различных препаратов и хирургическим путём он сделал из Шарика человека. Да, Шарик действительно превратился в человека, но, увы, ничем хорошим это не закончилось. Собака не смогла жить по жестоким и коварным человеческим законам. Пытаясь как-то приспособиться, Шарик всё больше и больше терял свои прекрасные собачьи качества. Взамен же впитывал пороки и дурные наклонности. В результате он превратился в плохого и ограниченного человека. Пришлось профессору Преображенскому обратно из человека собаку делать.

Я выдержал паузу, вздохнул и подытожил:

– Всё дело в том, дети, что хирургическим путём нельзя получить знания. Только знания облагораживают человека, делают его лучше и наполняют его жизнь смыслом. Чтобы получить образование, Шарiku нужно было долго и прилежно учиться. А он уже был взрослый и не хотел ходить в школу. Поэтому чтобы стать настоящими людьми, вы должны учиться хорошо, быть умными и образованными. Знания побеждают все страхи и лечат от всех болезней. Чем больше вы будете знать, тем интереснее вам будет жить. Я хочу, чтобы вы все стали большими учёными. Учёные живут очень интересной и увлекательной жизнью. Нет ничего питательней, чем грызть гранит науки. Это как сахарную косточку обглаживать... Из меня, увы, учёного уже не получится: в университет меня не пустили из-за хвоста... А перед вами все дороги открыты. Вы должны сделать мир лучше и добрее. Чтобы не было бездомных собак и котов вообще... Вы можете мне верить: разумом собаки держится мир. Это один очень мудрый человек сказал. Он в древние века жил. А в древние века всегда одну только мудрость говорили...

В следующем сне на уроке литературы опять всплыл профессор Павлов... Мы разбирали второй том «Мёртвых душ» Н.Гоголя – мне чудом удалось спасти сгоревшую рукопись. В девяносто седьмой главе Чичиков приехал на птице-тройке к профессору Павлову в научно-исследовательский институт. Там есть такой отрывок.

– Слышал я, вы опыты на собачках ставите? – спросил Чичиков.

– Что значит опыты? – нахмурился профессор Павлов. – Мы вместе работаем над серьёзными научными проблемами.

– Да разве ж я против-с? – расплылся в елейной улыбке Чичиков. – Ставьте на здоровье! Просто я подумал, может, у вас собачки того... есть почившие?

– К сожалению, есть, никак не могу наладить режим питания.

– Печально-с, печально-с... – покачал головой Чичиков. – А вы знаете, отдайте их мне!

– Кого? – опешил профессор Павлов.

– Ну, этих... которые уже умерли-с...

– Так они же мёртвые!

– Ну-с... скажем так, несуществующие... Вам же всё равно приходится за них ревизскую сказку подавать в «Общество Защиты Животных», так ведь? А я согласен на себя взять сие хлопотное предприятие. Мы оформим сделку только на бумаге. От вас нужна сушая бездельница...

Профессор Павлов пришёл в сильное волнение и выставил Чичикова за дверь лаборатории, ещё и собак на него спустил. Они порвали ему канифасовые панталоны и забрызгали всего желудочным соком.

Мы детально разобрали эту главу, а потом перешли к чтению стихов. Ученики мне всё время читают стихи о животных, особенно про собак, и я им, естественно, за это пятёрки ставлю. И мне совсем неважно, чтобы от зубов отскакивало, главное, чтобы от сердца шло, из души.

И вот читают школьники стихи, а я глаза прикрыл, улавливая чарующие звуки поэзии, и тут вдруг в класс вошла завуч школы Кривдина Питбульевна, злобная питбульша в наморднике. Раньше она всё время злобно кусала учеников и даже загрызла пятерых насовсем, но

начальство из Ведомства образования дело замяло. Её оставили на прежней должности, только обязали намордник носить.

– Это чем вы тут занимаетесь? – ехидно спросила она.

– Изучаем второй том «Мёртвых душ» Николая Васильевича Гоголя, – ответил я.

– Не надо меня обманывать! У меня очень чуткий слух. Я из учительской услышала, что вы тут стихи читаете.

– Ну да, мы читали стихотворения. И что здесь плохого? Поэзия облагораживает.

– Вы в своём уме? – взвыла завуч. – Гоголь не писал стихов! И если вы будете уходить от школьной программы, мы будем вынуждены с вами расстаться!

– Если хотите знать, Кривдина Питбульевна, – спокойно сказал я, – «Мёртвые души» – это поэма. Гоголь был самым настоящим поэтом.

Питбульша сразу как-то обмякла, растерялась и заюлила:

– А я и не утверждала, что он не поэт. Я не говорила, что он поэмы не писал, я сказала, что он стихов не писал. А это две большие разницы! И почему это дети у вас улыбаются на уроках? Вы считаете, это нормально?

– Да, это прекрасно, Кривдина Питбульевна. Дети счастливы, – значит, я прививаю доброе, вечное...

– После урока зайдите, Николай Николаевич, пожалуйста, ко мне в кабинет. У нас будет серьёзный разговор, – чеканя каждое слово, сквозь намордник процедила она и обратилась к детям: – А вам, бестолочи недоразвитые, напоминаю в очередной раз: вы в первую очередь должны зубрить заданный материал и не отвлекаться на непонятно что!

Она скрылась за дверью, а я выждал некоторое время, вздохнул и сказал:

– Вот так, дети, даже среди разумных собак попадаются не совсем адекватные особы. Что поделаешь, разнообразие характеров и внутри одного вида должно быть максимально разнообразным. Только так развитие жизни – эволюция может продолжаться.

Полосатые коты

У нашей деревни совершенно глупое название – «Полосатые Коты». Не понимаю, кому такая несуславица в голову пришла? Сами посудите. Кто-нибудь спрашивает:

– Ты где живёшь?

– В полосатых котках...

Как можно жить в котках? Тем более – в полосатых? Даже рядом с котами жить невозможно! И вообще, в честь котов можно банду назвать, какое-нибудь гиблое место, аномальную зону, урочище, но не деревню, где порядочные люди и собаки живут.

Вот Лев Толстой в «Ясной Поляне» жил себе. Творил, как и я... Ему-то повезло с названием деревни, а мне нет... Вот есть литературная премия «Ясная Поляна». Но представьте премию «Полосатые Коты»... Ужас!

А вот нашему коту Ардалиону название нравится. Мы с ним всё время спорим.

– А как надо было назвать? – возмущается он. – «Бешеные Собаки»? Или – «Собачья Жизнь», «Шелудивый Пёс», «Собачья Прихвостни?»..

В общем, бесполезно с ним разговаривать. Но обидно, что и людям это название нравится. Многие свои дома в полоску покрасили, усаких котов на фасаде нарисовали.

Однажды мне предложили сняться в рекламе собачьего корма, большие деньги предлагали, но я отказался. У нас в семье собачий корм не едят, только натуральные продукты. Так почему я должен обманывать других собак, заверяя, что я такой красивый и здоровый благодаря собачьему корму? Вот и я решил, что это нечестно. Но Ардик теперь меня простофилей и бестолковой шавкой называет. Мол, я в жизни ничего не понимаю и упустил свой шанс стать звёздой.

– Разве можно стать звездой, что-то рекламируя? – недоумевал я.

– Ну ты и простофиля! – трясся кот мелким ехидным смешком. – Сейчас только так звёздами и становятся.

И всё-таки я при своём мнении остался. Реклама – это не моё. Другое дело – мультфильмы. В мультфильмах я готов даже бесплатно сниматься. И хоть у меня нет никакого актёрского образования, я в себе огромный артистический талант чувствую. Он у меня отовсюду наружу рвётся... Никита много раз снимал меня на видеокамеру и говорил, что я очень гармонично в кадре выгляжу.

Я посылал своё портфолио на разные студии и в продюсерские центры, но ответа так и не дождался. Ведь давно известно, что таланты зажимают, затюкивают и загрызают, чтобы бездарям было хорошо и спокойно. Подозреваю, меня ещё и потому отвергли, что я собака. Но я не опустил лапы и решил пойти другим путём. Я написал сценарий о нашей с Серой Шапочкой большой любви и отправил его на студию «Леопольдмультфильм».

Сценарий там понравился. Они сразу поняли, что мультик ждёт грандиозный успех, и предложили за сценарий мне какие-то деньги, ящик тушёнки, свиной окорок и капли от блох. Я, конечно, обрадовался, но поставил условие, чтобы именно меня снимали в главной роли. И тут возникло непонимание... Меня пригласили на студию для обстоятельного разговора.

Что и говорить, добираться пришлось долго и изнурительно, несколько тысяч вёрст всё-таки, но окрылённый признанием я преодолел это расстояние.

Режиссёром оказался толстый полосатый кот с холёной физиономией. Увидев меня, он безразлично поморщился, что не ускользнуло от моего взгляда, но тут же расплылся в слащавой, кошачьей улыбке.

– Очень рад познакомиться, Колли... – мяукал он. – Очень рад... Сценарий ваш нам очень понравился. Несомненно, будем экранизировать, несомненно... Уже начали рисовать... Но есть кое-какие детали, которые хочется уточнить... Сценарий прекрасный, прекрасный... но он требует доработки... У вас очень трогательная и романтическая история любви, но она выглядит немного старомодно... Я бы даже сказал – архаично.

– А что в ней не так? – насторожился я.

– Всё так, всё так... Но надо изменить самую малость. История прекрасная, но надо поменять персонажей...

– Как это? – не понял я.

– Лучше, если это будет не любовь волчицы и пса, а любовная история... ну, скажем... кота и кошечки.

У меня прямо челюсть отвисла.

– Кота и кошки? – переспросил я.

– Да. Это идеальный вариант. У нас уже есть на главную роль прелестная ангорская кошечка. Наша звёздочка Шерлиз, вы её, конечно же, прекрасно знаете. С ней гарантирован успех. А где мы, позвольте, волчицу найдем? Я вообще не могу представить какую-нибудь актрису в этой роли. Нет-нет, это нереально!

Я в замешательстве молчал.

– Поймите, Колли, зритель никогда не поверит, что кто-то может полюбить волчицу, – пел толстый кот. – Волки – это низкий социальный уровень, депрессивная прослойка, уголовщина, а зритель хочет видеть успешных и благополучных котов и кошек. Вы уж поверьте моему опыту. Я уже снял более тридцати мультфильмов, и все они умели колоссальный успех.

– Кошечка, значит... – задушено просипел я. – А какого кота вы собираетесь снимать вместо меня?

– Эту роль я собираюсь сыграть сам. Думаю, мне по силам этот образ... Я уже репетирую. Не беспокойтесь, Колли, себя я вижу очень органично в этой роли.

Стараясь говорить твёрдо, я произнёс:

– Вы, наверно, забыли условие экранизации: в главной роли должен сниматься я. Для вас это игра, а я всё на своей шкуре прочувствовал.

– Помилуйте, зачем вам это? – ухмыльнулся кот. – Как я понял, у вас нет никакого актёрского образования. У вас, конечно, колоритная фактура, неординарная внешность... Вы думаете, вы справитесь? Актёрская профессия не каждому коту по плечу, тем более собаке... Поверьте, это не ваше. Все мечтают стать звёздами, но для этого надо родиться. Родиться полосатым котом, в первую очередь.

Мне это совсем не понравилось. Я машинально оскалил клыки и зарычал. Толстый кот испугался.

– Помилуйте, Колли, я не хотел вас обидеть – наоборот! – завизжал он. – Я хотел сказать, что актёрская профессия, она в какой-то мере лицемерная и лукавая, подразумевает лицедейство, притворство. Собаки слишком простодушны и искренние для актёрства. А коты и кошки могут сыграть всё что угодно. Поверьте, я уже намучился с вами, с собаками. Зарекался уже... Собаки в нужный момент заплакать не могут, о чём мы говорим! А у кошек всегда как по команде слеза наворачивается. Вы же знаете, что большинство кошек полосатые. Как будто сама природа намекает на двуличность... Сам кот, знаю... А вот полосатых собак не бывает. Во всяком случае, я не видел. Вы мне очень симпатичны, Колли, но снимать собак... это огромный риск. У меня хорошие отношения с продюсерским центром, со спонсорами – я не могу рисковать. Я не вынесу провала. В своих мультфильмах я только звёзд снимаю.

Я ошеломлённо молчал.

– Вот хоть сценарий взять: ваша деревня называется «Полосатые коты», – вещал дальше кот. – Это уже подразумевает, что действие происходит в благополучном и современном мегаполисе, где живут цивилизованные и культурные коты и кошки. Причём здесь собаки? Тем более – волки? Извините, но нужно вообще всех персонажей заменить на котов и кошек. И мы уже подобрали звёздный состав. Мы можем предложить вам эпизодическую роль, но... мне кажется, это никому не нужно. Состав уже утверждён, сценарий отредактирован, и придумывать для вас какое-то место в массовке, я думаю, не имеет никакого смысла. А имя ваше в титрах мы обязательно укажем. Как сценариста. Это я вам обещаю. Поверьте, мультфильм ждёт колоссальный успех, быть может, он произведёт фурор во всей анимации! Мы впишем ваше имя на скрижалях культуры...

– И кого вы ещё собираетесь снимать, кроме себя и ангорской кошечки?

– О, это поистине звёзды первой величины! – с гордостью мявкнул полосатый режиссёр и принялся перечислять.

Я ушам своим не верил. Всё это были самые бездарные коты и кошки, которые постоянно мозолят глаза во всех передачах и ток-шоу. И всё время что-то рекламируют. Я всегда встаю и ухожу, когда их по телевизору показывают.

– И вот для этого вы меня в такую даль вызывали? – с негодованием рявкнул я и кинулся на этого режиссёра.

Кот противно завизжал по-кошачьи, зашипел, как змея, и выставил свои острые когти. Я побоялся, что он мне глаза выцарапает, и отступил. И тут мне так тоскливо и тошно стало, что захотелось на свежий воздух. Я отвернулся и с достоинством поднял хвост.

– Ой, какие мы гордые! – кричал мне вслед кот. – Да нам ваша подпись и не нужна! Без вас как-нибудь обойдёмся! Мы ваш сценарий уже так изменили, что вы ни в одном суде не докажете, что он ваш!

Такие вот дела: таланту ни за что не пробиться... Обидно. Хотя и с самого начала было понятно, что, судя по названию, на студии «Леопольдмультфильм» одни полосатые коты заправляют. Теперь для меня и вовсе невыносимо, что наша деревня «Полосатые коты» называется. Вот сейчас мой мультфильм прогремит на весь мир, и этот кошачий режиссёр будет всем хвастаться, что нашу деревню в честь него назвали.

В лапах правосудия

Помню, приснился мне странный сон. Будто я судья на судебном заседании, на мне мантия и белое жабо вместо ошейника на лохматой шее. Сужу я бесчестного и продажного чиновника, который много миллионов украл. Государство деньги на приют для бездомных животных выделило, а он эти деньги себе прилапил. Зал суда был битком набит пострадавшими собаками и кошками. В прокуроре я узнал благородную лабрадоршу по имени Гайка, а адвокатом был какой-то рыжий кот с неприятной физиономией.

Как ни странно, я нисколько не удивился, что мне доверили судить человека. Ведь я не понаслышке знаю о бедственном положении бездомных животных. К тому же я неплохо разбираюсь в людях... Правда, признаться, в обвиняемом я не сразу узнал человека, – подумал, кабанчик какой-то, откормленный боров, который научился ходить на задних копытах.

Лабрадорша Гайка излагала суть обвинения с горечью в голосе, часто останавливалась и лакала воду из миски. Подробности были настолько чудовищны и душераздирающи, что все присутствующие скулили и не могли сдерживать слёз. Самые впечатлительные собаки и кошки падали в обморок. Мне было трудно удержать себя в лапах: всё время я порывался загрызть подсудимого. Однако мой статус судьи обязывал меня быть сдержанным. В конце речи прокурорша сказала:

– Считаю, обвиняемый намеренно обрекал беззащитных кошек и собак на верную гибель. Наше гуманное государство регулярно выделяет средства на поддержку животных, но они оседают в карманах таких вот бессовестных чиновников. Требую для подсудимого самого сурового наказания – поместить его в террариум к ядовитым змеям.

Ужас плеснулся на лице чиновника, но в следующую секунду это уже опять была сытая и довольная физиономия.

– Подсудимый, объясните, пожалуйста, как вы могли опуститься до такой низости? – вежливо обратился я.

– Понимаете, ваша честь, у меня зарплата кот заплакал. Я получаю каких-то полтора миллиона в месяц. Это совершенно не отвечает моим потребностям. Моя главная мечта – путешествовать, побывать в самых лучших ресторанах мира. Хочется свой островок где-нибудь в тёплом море, в тропиках или на экваторе. Я красиво жить хочу.

Ропот прокатился по залу суда.

– Вы красиво жить хотите, а животные даже выжить не могут, – возмутился я. – От голода и холода погибают.

Усмешка мелькнула на лице чиновника.

– Ну, вы же понимаете, ваша честь, собачки и кошечки – это всего лишь животные. Им всё равно, чем кормиться и как, могут и на морозе жить. Всегда найдутся добрые люди, которые накормят и обогреют. А мне о своём здоровье заботиться надо, я должен вкусно и полезно питаться. От грубой и однообразной пищи у меня настроение портится, чувствую дискомфорт. Холод вообще не переношу. Зимой стараюсь уехать в тёплые страны.

– Всё ясно, – строго сказал я. – Значит, тем временем когда вы на солнышке в южных странах загорали, животные в лютые морозы замерзали. Вы хоть понимали, на что вы животных обрекали?

– Честно сказать, мне это даже в голову не приходило, – равнодушно ответил он. – Для меня важно моё собственное благополучие. Человек моего статуса вправе выжимать из своего положения максимум.

Я был обескуражен, но всё же попытался ещё разбудить в этом человеке хоть какую-то совесть.

– Посмотрите животным в глаза. Вы ничего не чувствуете?

Чиновник нехотя оглянулся и ответил с цинизмом в голосе:

– Нет, абсолютно ничего не чувствую. Вы бы ещё скотину в зал суда привели.

– Животные на человека всегда с надеждой смотрят, – сказал я с дрожью в голосе. – А вы попрали эти надежды.

Дальнейшую нашу дискуссию мне даже вспоминать не хочется. Этот чиновник то прикрывался приторной вежливостью, то вёл себя нагло и развязно, словно зная, что ему ничего не будет. Всячески намекал, что у него наверху есть могущественные покровители с лохматыми лапами. Но самое вопиющее, что он прямо во время заседания старался подкупить меня окороком и аппетитными мясными обрезками. Грязно намекал, украдкой показывая мне из-за пазухи сервелат, как бы ненароком уронил связку сарделек... Но я был неумолим и непреклонен! Меня даже возмутила сама мысль, что он возомнил, будто меня можно купить!

И всё же я решил дать этому чиновнику последний шанс – человек всё-таки...

– Вы можете исправить своё преступление, если возьмёте всех потерпевших собак и кошек на своё попечение.

– Я что, больной? – скривился он. – У меня красивый и роскошный дом. Я слишком много в него вложил, чтобы заводить какой-то притон для зверья.

– Что ж, другого ответа я и не ждал, – с сожалением констатировал я. – В таком случае всё ваше имущество конфискуется в пользу собак и кошек. Теперь вам придётся жить на улице, в холоде и голоде. Быть может, вам помогут добрые люди...

Чиновник брезгливо поморщился, но ответить не успел. Внезапно в зал с криком и ругательствами ворвалась какая-то женщина. Она яростно размахивала палкой и вела себя весьма агрессивно. Это оказалась жена чиновника, такая же толстая и сытая, как и её муж.

– Я вас сама всех пересажу! – визжала она. – Ещё какие-то блохастые собаки будут указывать нам, как жить!

Тотчас же со своих мест вскочили охранники доберманы. Они культурно окружили женщину со всех сторон и зарычали, оскалив клыки.

И тут я проснулся. В полной растерянности я не знал, как мне относиться к столь необычному сновидению. Однако вскоре, влекомый новыми событиями дня, я о нём напрочь забыл.

Через неделю мне приснилось продолжение. На этот раз какая-то высокая комиссия из людей запретила мне быть судьёй и лишила всех наград и званий. Там присутствовала и эта женщина с палкой, которая оказалась заместителем губернатора по социальным вопросам и культуре. Она лично отбирала у меня мантию и жабо, глумилась и издевалась надо мной нещадно, дёргала за хвост. Её муж, как я понял, обжаловал мой приговор в другом суде, где судьёй был человек. Этот судья не только отменил мой честный и справедливый вердикт, но и назначил этого коррумпированного чиновника директором мясокомбината. Потом во сне я ещё встречался со многими кошками и собаками, и они мне жаловались, что теперь в колбасу мясо не докладывают. О пельменях и вовсе говорить смешно.

Да, такая вот катавасия. Самое страшное, после этих снов я засомневался, что люди добрый и справедливый мир построили. У меня даже на какое-то время лапы опустились.

Блохи-гематологи

На прошлой неделе возил я хозяина к ветеринару. Надо было ему прививку сделать – от чумки, холеры, бешенства и от всякой другой заразы. Лечила нас молодая и красивая девушка. Увидев меня, она восторженно взвизгнула, засмеялась и ласково потрепала за ушами. Вот только по неопытности всё напутала и почему-то решила прививку мне поставить, а не Никите...

– Ой, какой красавец! Какой лохматенький! – кулемесила она. – Сейчас мы тебе прививочку от бешенства поставим... Бешенством никто болеть не любит... И чумкой тоже... Будешь ты у нас самый здоровенький пёсик на свете!

Я прямо дар лая потерял: это я-то бешеный? Да я здоров как бык! А иммунитет у меня крепче, чем у любого млекопитающего и костигрызущего... Мне прямо обидно стало. Я пытался вразумить, объяснял, поскуливая, но ветеринарша, как нарочно, так и не поняла свою ошибку. Пришлось смириться, подставив холку под некорректный и досадный укол.

К счастью, нет мяса без костей. До этой нелепой процедуры, пока мы свою очередь ждали, у меня со знакомой пуделисой интересный разговор случился... Сначала в приёмной одни кошки были, которых я, естественно, демонстративно игнорировал, несмотря на то, что они всячески попытались со мной заговорить и глазки строили, а потом явилась прекрасная пуделиса.

Карди я сразу узнал. Хозяйка её врач-кардиолог, вот и назвала так. Зимой они в городе живут, а летом к нам деревню приезжают. Помню, два года назад, ещё до Серой Шапочки, я на Карди сильно запал, но она меня и на пушечный выстрел не подпустила. До сих пор перед глазами стоит декадентская картина маслом: Карди лежит на коврикe возле калитки, а перед ней две огромные кости, совсем ещё не обглоданные, с приличными кусками мяса и жирка. И вот она одну кость грызёт, а другую – лапой придерживает, чтобы не стянули. И такие у Карди удивительные и лучистые глаза!.. Столько в них света и тепла, энергии и магнетизма!.. Я подбежал поближе, намереваясь выразить своё восхищение, но Карди сразу зарычала, оскалив белоснежно острые клыки, и шерсть на загривке вздыбилась. Эх, досадно мне стало, что и говорить, как будто поводком по мордахе получил. Ни слова не говоря, я отвернулся, отбежал подальше и больше к её дому не подходил. Вот уже два года.

Но в этот раз Карди приветливо на меня глянула, вывалила розовый язык и хвостом вильнула. Я тоже обрадовался.

– Ты чего здесь? – спросила она.

– Да вот, хозяин приболел... Зашли узнать... – уклончиво ответил я. Не буду же я говорить, что у хозяина иммунитет слабый. Потом вся деревня переживать будет. И тут же сам поинтересовался: – А ты чего хозяйку привела? Она тоже заболела?

– Да нет, просто хозяйка на мне клеща нашла, – с грустью сказала Карди. – Теперь боится, что я могу бабезиями заболеть. Мы пришли кровь проверить.

– Тебе разве на холку от клещей не капают? – удивился я.

– Капают, конечно. Только капли от клещей плохо спасают. Они от блох хорошо...

Я сочувственно покачал головой. Сам клещей терпеть не могу. Вредней насекомого во всём свете нет! Присосётся и кровь пьёт до умопомрачения. Иногда раздуется раз в сто больше собственного веса, и думаешь: как же в тебя влезает столько, кровопивец ненасытный? Я и раньше слышал, что клещи всякими страшными болезнями заражают, ну и, конечно, сразу заинтересовался.

– А эти бабезии сильно опасные? – спросил я.

– Ещё как! Очень страшную болезнь вызывают, пироплазмоз называется. Люди от него ещё надёжную вакцину не изобрели. Если вовремя не лечить, мало шансов выжить. У нас в городе много собак погибло. Почему-то в городе клещи заразнее, чем в лесу.

Карди рассказывала о своих знакомых собаках, которые пироплазмозом болели, и мне прямо жутко стало. С каждой историей у меня шерсть всё больше дыбилась, а сердце наполнялось страхом и безысходностью. И зачем только природа этих клещей придумала? Ведь они только горе и страдания приносят!

– А ещё есть такая страшная болезнь – чумка, – с упоением говорила Карди. – От неё тоже можно лапы откинуть. Запросто. Я сама ею переболела. Еле выкарабкалась. А вот у нас в подъезде овчарку чумка забрала. Жалко очень. Мы сильно дружили.

Карди вспомнила ещё много всяких болезней, просветив меня, в каком опасном и жестоком мире животные живут.

– Как же так?... – объятый волнением, недоумевал я. – Я думал, люди уже все болезни победили.

– Болезни никогда не победить, – с грустью покачала головой Карди. – Мы с хозяйкой постоянно с ними боремся. Она меня каждый день лекарствами пичкает, таблетки горстями сыплет мне в пасть, сиропы разные и витаминчики – и ничего не помогает. Я постоянно чем-нибудь болею. Каждую неделю в этой больнице бываем.

– Как же ты живёшь? – ужаснулся я. – Ты, наверное, целыми днями лежишь и мучаешься?

– Я уже привыкла. Мне иногда даже нравится болеть... Мои сразу пугаются, заботой и вниманием окружают, стараются что-нибудь вкусенькое подсунуть. Очень боятся меня потерять...

– Слушай, Карди, а может, это из-за лекарств у тебя никакого здоровья нет? – предположил я. – У нас в семье таблетки никто не любит. Только если в крайнем случае. Да у нас и аптечки никакой нет. И все здоровые и весёлые, даже не простываем. Хозяин у меня один раз только ветрянкой болел. Случайно. Ну, это в детстве даже и полезно. Иммуитет вырабатывается. Может, и тебе от таблеток отказаться?

– Что ты! Что ты! – затряслась Карди. – Без лекарств я бы уже давно погибла!

– Сама посуди, – не отступал я, – у нас дворные собаки сплошь блохастые, всё с земли поднимают, едят грязное и протухшее – и к ним никакая зараза не пристаёт. На некоторых десятками клещи сидят, и они пироплазмозом твоим не болеют. А как породистая собака, как ты, когда стерильные и тепличные условия, так целый букет заболеваний. Парадокс какой-то, согласишься?

Карди уставилась недоверчиво и спросила:

– Они правда ничем не болеют?

– Очень редко. Факт. Ну, бывает расстройство желудка минут на пятнадцать...

Карди надолго задумалась, а потом выдала:

– Странно это всё... Может, всё дело в блохах?

– Причём тут блохи? – засмеялся я. – Блохи, наоборот, только вредить могут. Кусаются и кровь пьют. Все животные от них избавиться стараются.

– Как же они от них избавляются? Им в лесу тоже на холку капают?

– Никто им не капает. В лесу ещё и гнус сильно мучает, особенно на болоте. А от блох... Однажды я видел, как медведь Мишка блох выводил. Зашёл он полностью в озеро, только нос из воды торчал, на нос кувшинку положил. Блохи в воде дышать не умеют, и им пришлось на этом листке спасаться. Когда они все на кувшинке собрались, Мишка откинул её в сторону, а сам на берег выбрался.

В этот момент нас с хозяином на процедуры позвали, а после нам уже с Карди не удалось поговорить. Но попрощались мы тепло и по-доброму. Я обещал зайти...

Где-то через неделю мне вдруг захотелось Карди увидеть. Очень беспокоился за её здоровье... И вот прибегаю я к её дому и застаю в поникшем и удручённом состоянии... Но, увидев меня, она сразу обрадовалась и бодро вскочила, замахав хвостом.

– Ой, как хорошо, что ты пришёл! – взвизгнула она. – Сам знаешь, меня не пускают... Боятся, что я заразу подцеплю. А мне нужно сказать тебе кое-что очень важное...

Мы присели, поджав хвосты, и Карди, сильно волнуясь, заговорила:

– После нашего разговора я много думала о бездомных собаках и вообще о лесных животных. Мне кажется, я поняла, почему они мало болеют.

– Ну, так я тебе сам говорил: потому что никакие лекарства не принимают. А тебя этими таблетками и витаминами травят.

– А вот и нет, – хитро прищурилась Карди, – я почти уверена, что всё дело в блохах.

– Причём тут блохи? – удивился я. – Этих кровососов все животные терпеть не могут.

– Да, раньше блохи плохие были, а сейчас они пользу приносят...

– Не говори глупости, Карди. Кровососов никак не переделаешь. Если уж начинают пить кровушку, потом уже за уши не оттащишь...

– И пусть пьют на здоровье! – махнула лапой Карди. – Они же не для себя стараются, а людям помогают животных спасать...

В голове моей что-то просыпалось...

– Что-то я не понял... – растерялся я. – Причём здесь люди?

Карди набрала полную грудь воздуха и выдала:

– Ты же сам знаешь: для людей самое главное в жизни – это забота о животных. Они очень сильно за природу переживают. Я думаю, они потому свои болезни победить не могут, что все силы бросили на борьбу с болезнями животных.

– И как это они борются?

– Я поняла как. Одними лекарствами болезни не победить, поэтому люди с блохами сотрудничают, чтобы они за здоровьем животных следили.

– Это как? – опешил я.

– Жалко, что ты в медицине ничего не понимаешь... – вздохнула Карди. – Ладно, попробую объяснить. Понимаешь, все болезни не с бухты-барахты начинаются. У каждой инфекции свой инкубационный период. Если заразу на ранней стадии обнаружить, она никакой вред организму не причинит. И поэтому люди с блохами договорились, чтобы они кровь брали и инфекцию на ранней стадии выявляли.

У меня прямо челюсть отвисла, глаза на лоб полезли.

– Ты хорошо себя чувствуешь?.. – встревожился я. – Ты, наверное, на солнце перегрелась...

– Я здорова. Не перебивай. Я понимаю, тебе трудно понять... но, сам посуди, врачи специально кровь на анализ берут, чтобы болезнь определить. А блохи каждый день с кровью работают. Им ничего не стоит тут же, приняв порцию, провести анализ крови и выявить любую заразу. Только так блохи любую болезнь на ранней стадии определяют и информируют, куда следует...

– Как же они заразу найдут? – усмехнулся я. – У них и инструментов никаких нет. Это же не люди, они же мелкие.

– Рост значения не имеет. А всем необходимым их люди снабжают. Я уверена, у блох есть доступ к любому медицинскому оборудованию. Перед тем как осесть на собаках, блохи специальные курсы проходят. После чего люди выдают каждой блохе микроскоп.

– Микроскоп?

– Да. Это главный инструмент, чтобы микробов выявлять. Иногда, конечно, на всех блох микроскопов не хватает, поэтому люди выдают по одному микроскопу на весь коллектив блох. Сам знаешь, на одной шубе не одна блоха, а десятки и сотни. Они спокойно распределяют обязанности. Одна блоха, например, специализируется на вирусах, другая – на патогенных бактериях, а третья – на инвазивных организмах и т.д.

«Помешалась... – подумал я. – Вот он, здоровый образ жизни...» И от беды подальше решил больше не спорить и не возражать.

– А клещи как же? – серьезно спросил я. – Люди с ними тоже сотрудничают?

– Нет, клещи для этого не подходят. Клещи не живут на животных, они временщики. Они, когда напьются крови, сразу отваливаются. Вот поэтому люди ставку на блох сделали.

Блохи заинтересованы, чтобы всё хорошо было, им самим выгодней здоровой кровью питаться. Эх, вот бы ещё люди научили блох с клещами бороться! Вот было бы здорово!

– А сама-то не собираешься блох завести? – без всякой подковырки спросил я. – Вдруг болеть меньше станешь...

Карди тяжело вздохнула и обречённо ответила:

– Вряд ли мне хозяйка позволит... Сам знаешь, хоть как отбрыкивайся, а всё равно на холку накапают. Она, наверно, не знает, что блохи полезные. Скорее всего, блохи засекречены, под прикрытием работают.

И тут я не выдержал и усмехнулся.

– Почему же тогда люди отраву против блох изобрели, если они хорошие?

– Это всё фармацевтическое лобби, они на отраве наживаются, огромные деньги получают, – не моргнув глазом ответила Карди.

Я промолчал и стал прощаться.

– Ты там всем расскажи, чтобы блох не трогали, – напоследок второпях говорила Карди. – Животным нужно больше с блохами общаться, находить общий язык, точки соприкосновения. И блохи откликнуться взаимностью, это точно, со временем станут свои, родные. Мы все должны жить с кровососами в гармонии, в мире и согласии.

Я махнул лапой и в расстроенных чувствах побрёл восвояси. Всю дорогу я судорожно соображал, как помочь Карди поправить пошатнувшееся психическое здоровье... Мне было жалко её до слёз. Но так ничего путного и не придумал.

Этой же ночью мне жуткий сон приснился. Будто меня похитили и в клетку посадили. Привезли в какое-то странное заведение, где такие же несчастные собаки в клетках сидят. И не какие-нибудь там бездомные дворняжки, а породистые собаки, с красивыми и пушистыми шубами. А мимо клеток... блохи и клещи ходят, прицениваются... Такие они огромные и страшные, с человеческий рост где-то – прямо кровь в жилах стынет.

Напротив моей клетки остановилась тощая блоха, которая держала щупальцем микроскоп, и с интересом на меня уставилась.

– Ой, какая шубка хорошая! Нам как раз такую собачку надо! – взвизгнула она и позвала своих сородичей: – Идите скорей сюда! Я нашла нужную собачку!

Сразу подбежало со всех сторон штук сто блох всяких разных размеров, от мала до велика. Им всем я тоже понравился, и они не мешкая собрали нужную сумму и подозвали хозяина этого тёмного заведения. Человека. Но тут вдруг, грубо растолкав всех, приполз тучный, безобразный клещ. Сразу было видно, что он очень богатый и, как любой кровосос, больше всего на свете любит кровушку попить. Клещ вытащил толстый портмоне из хитиновой манишки и выложил за меня приличную пачку денег.

Естественно, я пришёл в ужас. Блохи мне тоже не нравились, но клещ – это уж чересчур, это просто чудовищный кошмар.

Блохи беспокойно заёрзали, шаря по карманам и подбивая свои последние крохи. С горем пополам собрали ещё какую-то сумму, однако в общей сложности не получилось и половины того, что предложил клещ.

– Что же вы, – укорял я блох, – так просто отдадите меня этому кровососу? Он же меня бабезиями заразит! Это же разносчик самой страшной заразы! Разве вы не знаете, что клещи хотят погубить всех на свете красивых и умных собак?!

Тут блохам совестно стало, а может, и просто обиделись, что у них из-под носа уводят розовощёкую собаку, кровь с молоком, да ещё одетую в роскошную шубу. Они пришли в ярость и, ругаясь, стали грубо напирать на гадкого клеща. Сперва он надменно огрызался, но потом всё же струсил, второпях сунул деньги в портмоне и убрался, проявив небывалую прыть.

Увы, на этом сон не закончился. Блохи окружили меня и с упоением рассказывали, как мне с ними будет хорошо... Обещали беречь моё здоровье и пить кровушку в меру.

– Мы животным зла не желаем, – объясняла мне пожилая блоха. – Вы – наше всё... Пойми, мы заинтересованы, чтобы ты был живой и здоровый. А клещам вообще на всех животных начихать. Им главное – побольше крови нахлебаться и вовремя отскочить... Их не волнует, что потом с животным будет, выживет или не выживет.

– Нас вредными считают, паразитами и дармоедами, а ведь мы большую пользу приносим, – вторила другая блоха. – Тренируем организм, не даём иммунной системе расслабляться. Благодаря нам антитела против всякой заразы вырабатываются. Нас природа для того и создала, чтобы мы несли в жизнь доброе, вечное... Мы для природы много полезной информации собираем...

Я молчал в полном замешательстве.

– Ты не думай, мы порядочная семья, – просунулась ещё одна блоха. – У нас в роду одни дворяне и аристократы. Мы истинные кровососы!

Потом во сне ещё что-то было, но я не помню. Я отмахнулся от этого бредового морока, как от взбесившегося кота. И всё же впоследствии, чуть остыв, мне почему-то подумалось: а может, это не люди, а природа с блохами сотрудничает? Ведь как-то сомнительно, чтобы кто-то по доброй воле согласился кровушкой питаться, причиняя тем самым боль и страдания. Как ни крути хвостом, а неспроста тут всё, неспроста...

Как я Ромашку нашёл

В апреле снег почти растаял, и на припёках молодая травка проклюнулась, потянулись зелёные стрелки к солнышку. Коровы от радости по лугам разбрелись, первой сочной муравой лакомятся. Я утром Пестроню, Тимоху и Маху в стадо проводил. Я их и вечером встречаю, хотя они и сами дорогу домой знают.

И вот бегу я по Ракитной улице, гляжу, лошадь у дороги привязана. У меня сердце от жалости сжалось: рёбра из-под обвисшей шкуры торчат, и всё сложение угловатое и рахитичное. Лошадка до того истощённая и обессиленная, что на копытах не держится. На брюхе ползает и стрижёт грязную, пыльную травку вдоль дороги и у забора. Вокруг всё под самый корешок выбрала и дальше тянется, тянется, а верёвка не пускает.

В лошадке я едва Ромашку узнал. Ещё прошлым летом она красивая и справная лошадь была. А теперь, по всему видно, еле-еле зиму пережила. Не иначе, беда стряслась, а я и не знал. Замер я в замешательстве и долго смотрел издали с содроганием сердца, аж слёзы из глаз закапали. Успокоился маленько, подошёл к Ромашке и спросил:

– Что с тобой? Тебя хозяин совсем не кормит?

– Так ведь зима была, – чуть слышно ответила она. – Зимой травка не растёт.

– А сено? Хозяин разве не заготавливает?

– Было сено... Мало совсем... Приносил, но не каждый день.

Зарычало у меня в груди, кровь в голову ударила. Попадись мне этот хозяин – точно бы загрыз. Успокоился чуть и предложил:

– Хочешь, мы тебя к себе заберём? У нас семья добрая. Пойдёшь к нам жить?

Ромашка посмотрела на меня как-то странно – то ли с радостью, то ли с испугом.

– Ты не сомневайся! – приветливо улыбнулся я. – У нас тебе понравится. Мы о тебе заботиться будем, всегда сытая и в тепле. Помоем, почистим хорошенько, хвост и гриву расчешем. С нашей коровой Пестроной познакомишься. Она добрая. Вы с ней обязательно подружитесь. И с телятами тоже.

Ромашка вдруг заплакала.

– Да я-то согласна, – всхлипывала она. – Я с радостью, но, боюсь, хозяин не отпустит. Я для него просто скотина.

– А мы тебя выкупим. За любые деньги. Он, наверно, пьяница, а пьяницы всё пропивают. Даже лошадей.

– Он меня давно продать хочет, – вздохнула Ромашка. – Но никто не покупает. Только посмотрят на меня, головой качают и отворачиваются. Не знаю, почему...

– А мы тебя в любом разе возьмём! – заверил я. – Не сомневайся. Ты у нас поправишься, будешь ещё самая красивая лошадь на свете! Ты только меня дождись. Я сейчас кого-нибудь из наших приведу.

Побежал я домой, а сам по дороге думаю: эх, лошади вы лошади, до чего кроткие и благородные создания! Вам бы злости чуть и нашего, собачьего, характера – цены бы вам не было!

Но дома меня не поняли. Скулил я и был жалостливо, пытался как-то на лапах объяснить, тянул за собой – и всё без толку. Никто не захотел за мной на другой конец деревни бежать. Эх, думаю, всего-то надо, чтобы кто-нибудь из наших Ромашку увидел. Но когда это будет?

Если кому-то плохо, если помощь нужна, собака никогда медлить не станет. Это у нас в крови. Сомнения и поиски разумного решения – это не про собак. Поэтому я, не мешкая, назад вернулся. Даже ужинать не стал. Мельком только глянул на миску с аппетитным мясным кулешом и отвернулся...

Уже стемнело, но, к счастью, Ромашка лежала на том же самом месте. Горестно уронив голову, она мучилась от жажды. Видать, горе-хозяин совсем не в себе, раз лошадку забыл отвя-зать или хотя бы напоить. Сам-то наверняка напился...

Недолго думая, отгрыз я верёвку, и побрели мы к нам домой. Ромашка еле копыта передвигала. Я её и не торопил, часто останавливались, отдыхали. В первую очередь к речушке привернули, чтобы лошадка водицы напилась.

– Ничего, Ромашка, – ласково подбадривал я, – сейчас наконец-то досыта поешь. Вкусненькое что-нибудь тебе найдём. В тепле ночевать будешь.

Семья моя сразу всё поняла. Отец, мать, Никита и Оля, и дедушка с бабушкой приняли Ромашку как родную. Ухаживать взялись, как за дитём малым.

Мама всё причитала:

– Это ж до чего лошадь довели, ох и люди! Это какое же сердце должно быть?! Что за люди! Вот Колька молодец, умница! Догадался же, привёл!

– Я же говорила, мама, Коляшка нам знаки подаёт, – сказала Оля. – А мы его не поняли.

– Я Кольку понял, – признался Никита, – но не думал, что так всё... серьёзно.

– Вот тебе урок на будущее, – сказала мама. – Колька по пустякам не дёргает. Умный пёс.

– Да уж... Ещё тот прохвост... – по-доброму усмехнулся отец. – У Николая, видать, цыгане в роду были, раз он лошадей крадёт... Ну, что ж, у нас конюшня как раз пустует. Я и хотел лошадь взять, когда Никита подрастёт.

– А я уже вырос. Пап, если хозяин объявится, давай её купим?

– Купим, купим. Знаю, чья это лошадь. Храпова Степана. Осенью он овдовел и совсем спился. Угробил лошадь. Эх, знал бы раньше – давно бы забрали. А теперь неизвестно, выправится или нет.

В конюшне мягкую подстилку положили. Ромашку отборным овсом накормили, ещё какой-то вкуснятиной и разными витаминами. Ромашка на нас такими благодарными глазами смотрела, что мы все обречелись. Даже отец украдкой слезу смахнул. На следующий день ветеринара позвали. Он необходимые уколы прописал и лекарства.

А с пьяницей на следующий день загадочный случай вышел. У него с головой что-то стряслось... По всей деревне бегал в изорванной одежде и кричал, что у него зелёные инопланетяне лошадь украли. Откуда он этих инопланетян взял – уму непостижимо. Будто его самого похитить хотели, но он еле вырвался. И вообще такую дичь нёс, что пришлось медицинскую машину вызывать. Жалко человека, но я тут ни при чём. Я давно заметил, что те люди, которые пренебрежительно и жестоко с животными обходятся, рано или поздно разум теряют.

К июлю Ромашка окрепла и расцвела, даже резвиться стала. Уже спокойно идти не может, всё бы ей прыгать да скакать. Как припустит галопом! Ветер пьёт, туман глотает, и светится от радости, и задыхается от счастья! Мы с ней на полянки бегать стали, где Иван-чай и другие вкусные травы растут, которые для лошадей лакомством считаются. Так иной раз я за Ромашкой даже угнаться не могу!

Конь Пржевальского

Ромашка такая красивая и стройная стала, что все деревенские кони покой и сон потеряли. Ну, думаю, явная динамика в сторону свадебных мероприятий. Самое время нормального жениха найти, пока какой-нибудь иноходец-проходимец голову Ромашке не запудрил. Как ни крути хвостом, а нам только звезда ипподрома подойдёт, рекордсмен и победитель всевозможных скачек.

– Не бойсь, Ромашка, – заверил я, – мы тебе элитного скакуна найдём. Знаменитого ахалтекинца или арабского скакуна. Ты вон какая красавица – они за тебя ещё бороться будут!

– Что ты! Что ты! – затряслась Ромашка. – Не нужен мне никакой ахалтекинец и арабский тоже. Я по любви замуж хочу.

– Понимаю... – согласился я. – Значит, надо орловского рысака искать... Да-а... это непросто... орловские на дороге не валяются...

– Да не нужны мне вообще эти элитные рысаки! – фыркнула Ромашка. – У них ни трудностей в жизни, ни преодолений, в тепле и сытости живут. Их кровь пустая и бесперспективная. А я хочу, чтобы мой жеребёнок одаренный был. Я вообще на этих довольных и холёных жеребцов смотреть не могу!

– Кто же тебе нужен?

Ромашка нетерпеливо скovyрнула землю копытом и уверенно сказала:

– Я замуж только за коня Пржевальского пойду.

– Он же дикий! – удивился я. – Зачем он тебе?

– Ну и что, что дикий? Зато у него благородное сердце. Дикие лошади свой корм в муках и лишениях добывают. Они знают цену пучку травы и клочку сена. Они намного выносливее и лучше приспособлены к жизни. И очки розовые не носят. Избранными себя не считают. Я, когда голодала, мечтала о дикой и свободной жизни, чтобы ни от кого не зависеть. И поэтому я хочу, чтобы мои жеребята свободные были.

– Тебе разве плохо у нас? – растерялся я.

– Что ты! Я очень счастлива. Мне сейчас другой жизни не надо. Просто я всё время думаю, что моему жеребёнку может так не повезти в жизни. Боюсь, что он к плохому человеку попадёт, как я раньше. А если я за коня Пржевальского замуж выйду, я даже согласна, чтобы наши жеребята с отцом остались. На свободе, в лесу и в степи. Вообще, на свободе больше шансов по любви замуж выйти. У нас ведь люди сами сводят, как им вздумается. Мнение лошадей совсем не спрашивают.

Ну, думаю, Ромашка всё никак от страхов и комплексов не избавится.

– Ты не волнуйся, – успокоил я, – твои жеребята в плохие руки не попадут. Может, даже в нашей семье останутся.

– Хорошо бы... Но всё равно я хочу, чтобы в жилах моих детей кровь свободных лошадей текла. Отношение совсем другое будет. И у них, и к ним...

Я понимающе покачал головой. Известно, любая мать хочет, чтобы её дети редкой породы были, не как все.

– Где же мы найдем его, этого твоего Пржевальского? – задумчиво спросил я.

– Не знаю... Но когда-нибудь судьба обязательно сведёт нас!

– Думаешь? Ну-у... хорошо бы... Говорят, в природе их мало совсем, а из зоопарка тебе, наверно, не подойдёт...

– Я буду ждать столько, сколько потребуется, – твёрдо сказала Ромашка. – Пусть на это уйдут годы, десятилетия, но я своего белого коня Пржевальского обязательно дождусь!

«Ещё и белого надо, – с грустью подумал я. – Совсем безнадёжный случай...»

После этого разговора взялся я о Пржевальских конях справки наводить. Оказалось, их по всей Земле раз, два и обчёлся. Да ещё все они саврасовой масти – песчано-жёлтые с тёмными копытами, гривой и хвостом. Белых коней вообще нет. Даже альбиносы среди них пока не встречались.

Сказал я об этом Ромашке, она и говорит:

– Ладно, пусть будет саврасовый конь, только чтобы обязательно Пржевальский!

– Знаешь, Ромашка, в лесу они не водятся, – осторожно сказал я. – Боюсь, поблизости нам не найти... Разве что в степи, у ката на куличках...

– Пусть так, расстояния меня не пугают, – невозмутимо ответила Ромашка. – Я готова хоть на край света скакать!

Я нерешительно помялся на лапах и сказал:

– Слушай, тут поблизости очень даже приличный мерин живёт... Очень похож на Пржевальского коня... Такой же приземистый и саврасовый... Почему бы вам не познакомиться?..

– Ты смеёшься надо мной? – вспыхнула Ромашка и удалилась обиженная и несчастная.

Совестно мне стало, что и говорить, захотелось поскорей свою вину загладить. И этой же ночью приснился мне сон, что я в дальние края на поиски Пржевальского коня отправился. И вот иду я по степи, а навстречу мне огромный табун лошадей скачет. Числом в несколько тысяч.

Поравнялись мы, и один из них спрашивает:

– Не подскажите, где кобыла Ромашка живёт?

– А вы кто такие? – насторожился я. – Чего вам от неё надо?

– Мы кони Пржевальского. Говорят, она жениха ищет, так мы готовы...

Смотрю, все они такие разные, и породистые, и беспородные, всевозможных мастей. Есть и пони, и ослы с ишаками, даже куланы с зебрами. И никто на коня Пржевальского даже близко не похож. Прямо сброд какой-то.

Ох и осерчал же я! Ишь, думаю, разнюхали, мустанги ошалевшие!.. Оскалил клыки да как рывкну – все эти иноходцы и проходимцы от меня врассыпную галопом разбежались. Всю траву вытоптали и пыль столбом подняли.

Еле успокоил рычащее нутро и побрёл без всякого настроения по степи. Дальше вовсе гористая местность пошла, холмы и шиханы. Вдруг смотрю: вдали среди низкорослого кустарника какая-то точка маячит. Подбежал поближе, а это одинокий саврасовый конь пасётся. Весь такой приземистый, крепко сбитый, ну, прямо конь Пржевальского с картинки.

Подскочил я к нему и спрашиваю:

– Ты, случайно, не конь Пржевальского?

– Да, а что? – отвечает он. Исподлобья смотрит и насупился.

Я, конечно, обрадовался, лапы потираю.

– А почему ты один? У тебя родственники есть?

– Нет у меня никого, – с грустью ответил он и тут же уронил слезу. – Один я остался.

– Как же так получилось? У вас хищники совсем, что ли, без понятия?

– Нет, хищники нас не трогают. Им природа запретила. Да они и сами знают, что мы на грани исчезновения. Люди нас невзлюбили лютой ненавистью. Сначала единорогов и пегасов всех уничтожили, теперь вот до нас добрались. Хотели, чтобы все лошади им служили, а мы отказались, – голос коня задрожал, и он в отчаянии заржал: – Ну, не можем мы в неволе жить!

У меня у самого ком к горлу подступил.

– Ты... это... прости людей. Они не со зла... Они сейчас сами вас охраняют и возродить стараются. Никто уже не заставит вас в неволе жить.

– Да толку-то, – грустно усмехнулся он, – поздно... Всё равно у меня невесты нет. Мы обречены. Меня не станет, и весь наш род исчезнет.

– А вот и неправда, – сказал я, – есть у тебя невеста. Её Ромашка зовут. Она за тебя замуж хочет...

Радостный огонёк блеснул в глазах коня да тут же и потух.

– А откуда она меня знает? – недоверчиво спросил он.

– Знает... на картинке видела. Твоя фотография в конюшне на самом видном месте висит.

– Так она – домашняя лошадь... – разочарованно простонал он. – Нам нельзя в домашних влюбляться.

– Ну и что, что домашняя? Зато внутри она настоящая лошадь Пржевальского. Гордая и свободолюбивая. Да и внешне вы очень похожи...

– Тоже саврасовой масти? Темный ремень на спине есть?

– Ну, ремня нет... Да и посветлей тебя будет, соловая такая... Да это не главное! Вот увидишь, у вас жеребята настоящие кони Пржевальского родятся. Ромашка обещала, она материнский секрет знает. Если, конечно, вы по-настоящему полюбите друг друга.

Конь сильно разволновался и с дрожью в голосе спросил:

– Неужели она правда за меня замуж хочет?

– Ещё как! Так и сказала: только за коня Пржевальского замуж пойду! Хотя из-под земли мне его достань! Обещала троих жеребят родить.

– Троих?

– Да. А ещё хочет, чтобы они в степи росли, как все ваши. На свободе.

Конь аж прослезился от умиления.

– Не ждал я уже от судьбы ничего хорошего, а тут такой подарок! – всхлипывал он. – Ты нас скорей познакомь, а то она передумает.

– Не передумает, – заверил я. – Завтра же за гриву приволоку...

Хоть и во сне, а координаты я хорошо запомнил. И широту, и долготу вплоть до минут и секунд. Как только проснулся, сразу прикинул по карте, и оказалось не так уж далеко. Чуть больше пятисот километров каких-то. Согласитесь, не крюк для резвой лошади и бешеной собаки...

Этим же утром Ромашку из табуна забрал, и мы на свидание припустились. По дороге Ромашка всё переживала, что может не понравиться коню Пржевальского.

– Хорошо, дорога неблизкая, – причитала она. – Я хоть лишние килограммы сброшу.

– Да какой у тебя лишний вес? – недоумевал я. – Не смей меня!

– Слушай, а если он подумает, что я ветреная и легкомысленная кобыла? – не унималась она. – Сама вот за ним бегу, как собачка...

– Разве это плохо? Брось, это всё глупые предрассудки. А в настоящей любви всегда что-то собачье есть...

– Думаешь? А если всё-таки это оттолкнет его от меня?

И так всю дорогу хныкала и ужасалась, а я старательно отметал все её страхи и волнения, вселяя уверенность.

Конь Пржевальского ждал нас на том же месте. Видать, он давно уже ничего не ел, метался из стороны в сторону и нервно нарезал круги. Как только он увидел Ромашку, радостно заржал и сломя голову бросился навстречу. Земля сотрясалась под его копытами, и с каждым ударом искры сыпались из его глаз и слюни из пасти летели в разные стороны. И Ромашка сразу влюбилась в него до беспамятства. Она грациозно припустилась иноходью, чем ещё больше покорила своего избранника. Они прижались друг к другу, переплелись шеями и головами и говорили что-то там сбивчиво и плакали, как будто уже давно знали друг друга.

Я упятился в лес, чтобы не мешать и не смущать влюблённых. Потом и вовсе решил вернуться домой, разумно полагая, что Ромашка сама дорогу найдёт. Я неторопливо бежал по

степи, пробирался через лесные опушки, и ещё долго мне в спину несло радостное лошадиное ржание.

Усталая, но счастливая Ромашка вернулась только через неделю, заставив всю нашу семью сильно поволноваться. Папа и мама её немножко поругали, а Никита с Олей восторженно бегали вокруг, непереставая гладили Ромашку, обнимали и кормили лакомствами.

Конь Пржевальского сразу перебрался поближе к нашей деревне. Ромашка к нему по несколько раз на дню бежит. Я, естественно, всем хищникам нагрозил, чтобы его не трогали. Хотя его и так все зауважали, как на диковинку приходят смотреть. Что и говорить, где ещё дикого и свободолюбивого коня встретишь, который людям не покорился? Он и сам со временем со всеми подружился. То с оленями пасётся, то с косулями. Мы его Прживалик прозвали.

Примерно через полгода я Ромашку к Серой Шапочке сводил. Посмотрела Серомашка своим удивительным рентгеновским зрением и подтвердила, что трое жеребят будет. Теперь вот Ромашка уверена, что обязательно Пржевальские родятся, а я думаю, что особенная порода появится. Удивительные и необычные лошади, каких ещё в природе никогда не было.

Волшебные единороги

Мы с Ромашкой часто во сне летаем. Крылья у неё не хуже моих, красивые такие и белоснежные, как у лебедя. Но мощности у неё в разы больше, хотя и одна лошадиная сила... Бывало, Ромашка неторопливо впереди летит, мерно крылами машет, а я сзади надрываюсь – из последних сил хлобыщу крыльями, язык сбоку болтается, а из ушей пар рвётся, как из паровоза.

А в одном сне у Ромашки ещё и красивый хрустальный рожок на лбу появился. Винтовой такой, прямёхонький и длинный, как у нарвала.

Крыльям я нисколько не удивился, а вот рог меня озадачил.

– Ромашка, это что у тебя такое на лбу образовалось? – спросил я.

– О! Это священный рог! Нашими предками единороги были.

– А тебе он зачем? Чтобы обороняться?

– Зачем обороняться, я и копытом звездану – мало не покажется. Это очень удобный рог, им можно всё что угодно проткнуть, даже пространственно-временной континуум... Через эти червоточины можно в другие миры попасть. А ещё рог можно как антенну использовать. С его помощью я с кем угодно на расстоянии общаться могу, как по сотовой связи.

– И с кем же ты разговариваешь?

– Со всеми, у кого рога есть.

Оказывается, все животные с рогами по сотовой связи общаться могут. Так они заблаговременно о хищниках предупреждают и новостями делятся. Люди только недавно телефон изобрели, а животные уже давно связью на расстоянии пользуются.

– Вот бы мне такой рог, – завистливо протянул я. – Мы бы с тобой всегда на связи были. Ромашка глянула на меня насмешливо и покачала головой.

– Вряд ли это возможно... Ты же у нас хищник, а хищникам не положено.

– Какой же я хищник? – обиделся я. – Я в жизни ни на кого не охотился!

– Мясо же всё равно лопаешь.

– Ну, лопаю, и что? Уж пусть лучше я, честный пёс, съем ту же курицу, чем её сожрёт какой-нибудь нехороший, подлый человек!

Ромашка лишь снисходительно улыбнулась.

Я успокоился и спросил:

– А почему у тебя только во сне рог?

– Не знаю, – вздохнула Ромашка. – Наверное, в жизни я его потеряла, обронила где-нибудь. Или бывший хозяин куда-то спрятал. Отпилил, пока я спала. Он ведь плохой человек был, а плохие люди всегда за рогами охотятся. Думают, что рога помогут им лучше стать...

Проснулся я и сразу загорелся идеей Ромашкин рог отыскать. Рассказал ей о чудесном сне и говорю:

– Знаешь, Ромашка, нам обязательно надо твой рог найти. А вдруг это рог изобилия? Ты наделаешь много всяких червоточин, и мы сможем по Вселенной путешествовать. Всей семьёй. Я давно мечтаю в созвездии Гончих Псов побывать.

Ромашка посмотрела на меня умными и добрыми глазами и вздохнула:

– Вряд ли мы его найдём... да я и не помню, был ли он, этот рог...

– Тогда нам надо обязательно к оленям сбегать. У них рога всё время растут. Посоветуют, как питаться, какую травку трескать, какие корешки, – глядишь, рог опять вырастит. Лоси вообще каждый год рога сбрасывают – и ничего, новые отрастают.

– Может, не нужен мне этот рог? – робко возразила Ромашка. – Опасно это. На мне ведь люди верхом ездят. Мотнёшь головой случайно, и можно человека насквозь проткнуть. А вдруг травма несовместимая с жизнью?

– Надо, Ромашка, надо... – без тени сомнений заверил я. – Опасность, конечно, есть, но другого выхода я не вижу: без твоего рога мы все погибнем...

Олени с пониманием откликнулись на нашу трагедию... Подробно рассказали, как питаться, какой режим соблюдать. Подсказали травки, богатые кальцием и коллагеном. Только одна старая лосиха засомневалась.

– Ни к чему лошади рога носить, – мудро вещала она. – Да хоть бы и один. По преданию, носили лошади в незапамятные времена острый винтовой рог. Прямо на лбу, посередке. Их тогда единорогами звали. Были ещё пегасы – эти лошади с крыльями. Но сейчас ни тех, ни других днём с огнём не сыщешь. Многие единороги растолстели и в носорогов превратились. Пегасов постигла та же участь. Из-за лишнего веса летать они не могли, и их крылья со временем атрофировались за ненадобностью. Эти пегасы бегемотами стали. Поговаривают, настоящих единорогов и пегасов совсем мало осталось. Прячутся они в самых недоступных и таинственных местах. А может, и вовсе их уже нет. Я лично не видела. Говорят ещё, природа пробовала возродить их, держала носорогов и бегемотов на строжайшей диете, иначе у неё ничегошеньки не вышло. Чего там говорить, иногда даже природа бессильна бывает.

Ни к чему тебе, девонька, рог, а то ещё в носорога превратишься. Или в бегемота, что того хлеще. Потом никак не выправишь.

– Бабушка, ну что вы такое говорите! – возмутился я. – Не все же единороги носорогами стали. Это от характера зависит.

– А то и говорю: основная масса всё одно в носорогов переродилась. Девяносто девять процентов.

– Ромашка не такая. Она всегда красивая и грациозная будет.

– Ну-ну... Так и я говорю: единороги-то самые грациозные лошади были... Вот такая загадка природы. А шерстистые носороги вообще вымерли. Да и обычных носорогов уже мало осталось. А вот бегемоты, наоборот, процветают...

Попрощались мы с лосихой, отошли немного, и я говорю Ромашке:

– Ты бабушку не слушай. Она наверняка всю жизнь о красивых рогах мечтала, вот и завидует. Пойдём лучше к твоему Прживалику сходим. Может, он что-нибудь посоветует.

Ромашка аж вся передёрнулась.

– Ой, Коля, только Прживалика, пожалуйста, сюда не впутывай! – взмолилась она. – С рогом он меня точно бросит! Или подумает, что я свихнулась!

Я растерялся.

– Ладно-ладно, успокойся, – озадаченно проговорил я. – Ты права, ни к чему ему пока знать. Пусть это будет для него приятным сюрпризом...

Через некоторое время Ромашка пожаловалась, что её каждую ночь кошмары мучают.

– То бегемоты, то носороги снятся, – плакала она. – Вчера снилось, что я за бегемота замуж вышла. Жили мы с ним в гадком болоте с крокодилами. Их там кишмя кишит. У них такие страшные глаза! Этот бегемот сначала надо мной издевался, говорил, что у меня жиру мало, что я до безобразия тощая и длинноногая, а потом сказал, что я ему надоела, что он ошибся, женившись на мне, и скормил меня крокодилам! – и Ромашка вовсе разрыдалась.

Я в замешательстве молчал.

– Они на меня как бешеные набросились, – чуть успокоившись, продолжила Ромашка. – Такие страшные зубы! Я проснулась просто в ужасе! Потом долго боялась уснуть. Вот... А сегодня носороги снились. У них вообще какое-то многожёнство практикуется. Сам-то муж мне неплохой попался, добрый, а носорожихи страшно издевались надо мной. Называли меня тощей и костлявой, обзывали ходячей анорексичкой и длинноногой клячей. Каждая норовила меня рогом зацепить. А потом... потом они так подстроили... увели куда-то мужа... и вдруг на меня львы напали. Я побежала от них, а там... ещё один в засаде был...

Ромашка сотрясалась в неистовых рыданиях, и по крупу её била крупная дрожь. Я успокаивал как мог, гладил лапой копыто, ласковые слова говорил, хотя у меня у самого ком к горлу подступил.

– Ничего, Ромашенька, ничего, – скулил я, – вот появится у тебя рог, и плохие сны сразу отстанут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.